

СУДЬЯ КАК ЛИНГВИСТ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. В статье представлена структура языковой личности судьи и подробно рассматривается одна из ее сторон – судья как лингвист. Автор классифицирует ситуации, в которых от русских и английских судей требуется повышенное внимание к языку, а также определяет типичные языковые аспекты, вызывающие споры и обсуждаемые в ходе судебных процессов. Задачи, стоящие перед судьей-лингвистом, включают правильное толкование текстов законов, других документов, высказываний участников процесса, назначение лингвистических экспертиз. Эта сторона деятельности предполагает обращение судей к самым различным аспектам языка: семантике слов и выражений, ситуативному и лингвистическому контексту, грамматике, строению текстов.

Ключевые слова: судья, лингвист, судебная коммуникация, русский, английский.

Abstract. In the present article the structure of the judge's identity and one of its sides, judge as a linguist, is analysed. The author classifies situations which require Russian and English judges' particular attention to language, and discovers typical disputable and debatable linguistic aspects in the course of trials. The tasks set before a judge as a linguist include correct interpretation of legal texts and other documents, utterances of trial participants, appointing linguistic experts' examination. This side of judges' activity presupposes focusing on various aspects of language: semantics of words and word combinations, situational and linguistic context, grammar, text structure.

Keywords: judge, linguist, courtroom communication, Russian, English.

Введение

Изучая языковую личность судьи и ее проявления в различных ситуациях судебного процесса, мы выделяем несколько сторон в ее структуре. Судья-рефери, судья-участник драматического действия и судья-обычный человек рассматривались нами ранее [1–3]. В данной статье мы обратимся к стороне языковой личности судьи, которую мы обозначаем как судья-лингвист. Данное обозначение мы позаимствовали у американских исследователей. Глава «Судья как лингвист» является частью книги, в которой Л. Солан тщательно исследует проблему того, «как и почему судьи пишут о структуре и значении языка, чтобы аргументировать свои решения» [4, р. 1]. Автор утверждает, что работа судей часто предполагает толкование законов и других юридических документов в том числе в ситуациях, когда толкование документа вызывает разногласие сторон в судебном споре. Исследователь также отмечает, что судья разрешает споры, полагаясь не только на законы, но и на собственную систему ценностей, что находит отражение в способе интерпретации документов.

Л. Солан изучает несколько лингвистических принципов, используемых судьями для объяснения своих решений. Среди них – правило последнего предшествующего слова (the last antecedent rule), принципы толкования соединения и разделения (principles governing the interpretation of conjunction and

disjunction (*and / or*)), правила толкования местоимений (*rules for interpretation of pronouns*), правильное применение местоимений (*proper scope of adjectives*). Существование определенных правил и принципов толкования юридических документов не решает, однако, всех вопросов, стоящих перед судьями, поскольку «идут споры даже между судьями одного и того же суда и о подходе к определению лингвистических правил, и об их отношении к процессу принятия решения. Следовательно... противоположные принципы толкования иногда стоят рядом, создавая массу взаимоисключающих правил, находящихся в распоряжении любого юриста или судьи, который может использовать их для поддержания какой бы то ни было точки зрения» [4, p. 29] (*перевод с английского здесь и далее мой – Т. Д.*).

Если Л. Солан концентрирует внимание на лингвистических аспектах толкования юридических документов в ходе принятия судьей решения, то П. Тиерсма в работе с аналогичным названием рассматривает вопрос в нескольких аспектах [5]. Проводя параллели между деятельностью судей и лингвистов, П. Тиерсма замечает: «Тот факт, что судьи и лингвисты часто вовлечены в одинаковую профессиональную деятельность – анализ языка, убеждает, что им есть чему научиться друг у друга» [5, p. 270].

П. Тиерсма последовательно рассматривает ситуации, в которых судьи должны анализировать язык. Целый ряд преступлений совершается посредством языка: подкуп, заговор, лжесвидетельство, угроза, вымогательство. В таких случаях, считает ученый, судья или присяжные должны решить, что обвиняемый имел в виду, говоря те слова, которые предположительно доказывают один из элементов преступления. Подобно перечисленным преступлениям, клевета представляет собой правонарушение, которое совершается посредством использования языка и которое бывает трудно объяснить с лингвистической точки зрения. Контракты, завещания и подобные частные соглашения представляют интерес с точки зрения реализуемых в них речевых актов. От решения лингвистических проблем часто зависит вопрос, будут ли контракт или завещание признаны действительными. Проблемы, связанные с законодательными текстами, включают, прежде всего, их интерпретацию. Кроме того, не всегда ясно, как действия обвиняемого соотносятся с законодательным текстом. Судьям также приходится анализировать функциональное наполнение различных высказываний, произнесенных в процессе преступления, и квалифицировать их должным образом. Понятия прямых и косвенных речевых актов оказываются весьма полезны и применимы для этой цели в судебной деятельности.

Обобщая анализ различных ситуаций, П. Тиерсма отмечает, что «при интерпретации текста законодательного или разговорного тщательный лингвистический анализ всегда должен быть пунктом отправления» [5, p. 283].

Многие из вопросов, затронутых в работах американских ученых, активно обсуждаются в отечественной юрислингвистике в рамках лингвистической экспертологии. Выявлению имплицитной информации в спорных разговорах и идентификации участвующих лиц, образующих доказательную базу по уголовным делам, посвящено исследование Н. Ю. Мамаева [6]. Т. В. Чернышова обращается к квалификации инвективных высказываний в различных сферах использования языка [7]. Проблему соотношения юридической значимости и общенародного значения слов, которые чаще других становятся объектами лингвистических конфликтов, исследует Н. Д. Голев [8]. Несмотря

на то, что отечественные исследования, на которые мы ссылаемся, обращены к ряду проблем безотносительно к фигуре судьи, понятно, что именно судья – тот человек, который будет учитывать мнение лингвистов-экспертов, строить на их основе свои соображения и принимать решение.

В материале исследованных нами стенограмм судебных заседаний в отечественных и английских судах (1999–2003) встречаются ситуации, в которых судья должен выполнять роль лингвиста. Далее мы классифицируем ситуации, в которых от русских и английских судей требуется повышенное внимание к языку, а также определим типичные языковые аспекты, вызывающие споры и обсуждаемые в ходе судебных процессов.

1. Типы ситуаций в ходе судебных процессов

В нашем материале мы выделяем **пять типов ситуаций**, в которых от судьи требуется внимание к языку и даже некоторые лингвистические знания. Деятельность судьи как лингвиста не обязательно предполагает развернутые аналитические высказывания в его речи – свои соображения в полном виде он изложит в судебном решении. В ходе самого процесса судья в большей степени выслушивает стороны, но отдельные реплики судьи, касающиеся лингвистической стороны рассматриваемых вопросов, свидетельствуют о том, что судья постоянно ведет соответствующую умственную деятельность.

Ситуации первого типа связаны с анализом документов, которые создаются в ходе судебного процесса и впоследствии могут служить своего рода ориентиром для дальнейших процессуальных действий. Примером обращения к процессуальным документам может служить следующая ситуация. Прокурор ходатайствует о затребовании судом у ответчика литературы, подлежащей изучению. Однако адвокаты ответчика считают, что, запрашивая книгу, прокурор расширяет основания своих требований, поскольку в представлении прокурора нет ссылок именно на эту книгу. В ответ прокурор ссылается на свое представление, указывая, что формулировка в представлении носит обобщающий характер и включает любую литературу. Судья, считая формулировку в представлении прокурора недостаточно ясной, говорит о возможности принять какое-либо решение относительно ходатайства только с учетом уточнений, которые должен представить прокурор, и ссылается на неисследованность запрашиваемого документа:

(1) СУДЬЯ: Так, ну, мы тоже считаем, что пока вообще это не будет как-то действительно прокурором оформлено, то не имеет смысла. Этот документ вообще не исследован. То, что исследовано полторы недели, но сейчас выясняется, соответственно, я так понимаю, все надо возвращать назад, сначала. То есть прокурор, соответственно, хочет уточнить свои требования и чтоб мы по этому поводу давайте...

ПРОКУРОР: Да, нет, ваша честь, это речь касается одного из учебников... Одного из директивных документов...

СУДЬЯ: Так мы его вообще не изучали, товарищ прокурор. Поэтому я вас попрошу с учетом ГПК, с учетом того, что мы уже так долго работаем, соответственно и уточнить. Мы сейчас не будем окончательно принимать решение по этому ходатайству.

Видим, что в определенный момент судебного разбирательства процессуальный документ, а именно представление прокурора, становится объектом языкового анализа.

Ситуации второго типа связаны с анализом документов, непосредственно являющихся предметом судебного разбирательства. В наших материалах два процесса, русский и английский, практически полностью построены на анализе литературы. В случае тяжбы английского историка Д. Ирвинга, отстаивающего свою профессиональную репутацию, предметом тщательного лингвистического анализа в зале суда становится его книга о Гитлере. В случае судебного процесса в Москве по ходатайству о прекращении деятельности религиозной общины Свидетелей Иеговы объектом пристального внимания сторон и судьи стала распространяемая членами секты религиозная литература.

Прокурор по делу о Свидетелях Иеговы строит обвинение, опираясь в значительной степени на толкование распространяемой литературы, и соотносит идеи из литературы с соответствующими нарушениями закона. Состав правонарушения не всегда ясен, поскольку возможны различные трактовки документов, и именно судья имеет право решить, какую из этих трактовок выбрать и совершено ли правонарушение посредством использования языка.

Английский судья уделяет особое внимание контексту, в котором используются те или иные слова и выражения. В ситуации, когда адвокат защиты обвиняет Ирвинга в использовании заведомо неправильного перевода в своей книге, судья поддерживает его и предлагает Ирвингу взглянуть на контекст:

(2) *CLAIMANT: Now, either inadvertently or deliberately, somebody and you say it is Burnstone has mistranslated that word from a totally harmless and, in fact, significant "air raid door" into the rather more sinister "airtight door"?*

WITNESS: In the context of quite a sinister description, I would say.

JUDGE: Mr Irving, look at the context.

CLAIMANT: I beg your pardon?

JUDGE: Look at the context. As I understand it, she actually said "like those of an airtight door", but this is in the context of gassings in 1941 and Zyklon-B being poured through holes in the roof.

Анализируя печатные документы, судьи принимают во внимание то воздействие, которое литература оказала или может оказать на читателя. Обсуждая словоупотребление в книге истца, судья предполагает, к какому выводу может в результате прийти читатель. В ответ истец объясняет свой выбор между *order* (*приказать*) и *obliged* (*обязанный*), подчеркивая, что тщательно выбирает слова при написании книг:

(3) *JUDGE: The reality of the way, would you not accept, Mr Irving, of the way it is put in your book is that the reader is going to infer that that was an order from Hitler to him?*

CLAIMANT: My Lord, I use my words with utmost care when I write passages like that. I will go backwards and forwards over them looking for a word which I considered to be justified by the evidence but not implying or imputing or inferring too much. If I used the word "obliged" then it was because I hesitated to use the word "order" but for some reason he made the telephone conversation. He did not wait until he got back to his own headquarters, he immediately phoned Heydrich from Hitler's bunker without even getting over to the local phone box, he phoned Heydrich with these instructions saying "stop the killing".

Как видно из приведенных примеров, судья аналитически подходит к текстам и документам, являющимся предметом судебной тяжбы. В то же время нельзя ожидать, что языковых знаний судьи достаточно для проведе-

ния всесторонней лингвистической экспертизы. С решением вопроса о лингвистической экспертизе мы связываем **третий тип ситуаций** в деятельности судьи как лингвиста. В следующем примере судья не может принять по ряду причин экспертизы, представленные следствием, и обсуждает со сторонами назначение новой экспертизы. Даже в том случае, если судья в большей степени полагается на внешнюю экспертизу, он имеет представление о том, какого рода информация требуется и кто должен проводить экспертизу:

(4) *СУДЬЯ: ...Решить вопрос, наверное, придется нам назначать экспертизу, какую-то комплексную, с привлечением специалистов, лингвистов, литераторов и психологов. Значит, соответственно ставится следующий вопрос. Кто будет проводить эту экспертизу, это раз... Плюс экспертам нам, наверное, придется поставить вопросы не просто по Свидетелям Иеговы, а сравнение с наиболее, так сказать, теми религиями, которые встречаются в нашем государстве.*

ПРОКУРОР: Имеется в виду традиционная?

СУДЬЯ: Традиционная, естественно. Поэтому вот такой вопрос. Единственно что...

АДВОКАТ: И кто эксперты тогда?

СУДЬЯ: Да, нам нужно будет тогда сразу определиться, что это обязательно из института русского языка мы должны будем привлекать. Поскольку экспертиза, наверное, будет звучать, как литературно-лингвистическая психологическая, вот что-то такое, я не знаю.

Понимание сути лингвистической экспертизы, которой подверглась предсмертная записка, необходимо английскому судье, и он знакомится с мнением обеих сторон по этому поводу. Адвокат признает утверждение экспертов о том, что с точки зрения стиля записка, вероятнее всего, написана обвиняемым, а не жертвой. Одновременно он указывает на то, что в течение совместной жизни супруги приобретают похожие языковые привычки, и поэтому данное свидетельство не может рассматриваться как очень весомое:

(5) *DEFENCE: The language that is used, and the phraseology, is more likely to be that used by the Defendant rather than the victim. I am bound to say your Honour may take judicial notice of the fact that when couples have been together for a significant period of time – as these two people had – people have similar fashions, similar use of language, similar phraseology. I simply indicate to your Honour – and it is not a strong point – that that is not the strongest evidence of its kind.*

Представитель обвинения, в свою очередь, настаивает на значимости результатов экспертизы, поскольку они имеют самый высокий показатель, по мнению эксперта. Судья выслушивает мнение обеих сторон, но не выражает своего отношения, ограничиваясь краткой благодарностью в их адрес.

По нашему мнению, понимание основных принципов выполнения лингвистических экспертиз необходимо судьям как для их назначения, так и для правильной оценки их результатов.

Проявление судьей внимания к словоупотреблению в речи участников в ходе процесса характерно для **четвертого типа ситуаций** в деятельности судьи-лингвиста. В нашем материале есть значительное количество примеров того, что стороны высказывают недовольство и даже протестуют против конкретного словоупотребления в речи противной стороны. Споры относительно словоупотребления происходят как с привлечением судьи, так и без его уча-

ствия. Нас интересуют те, в которых принимает участие судья. В следующем примере адвокату не нравится выражение *бросила работу*, примененное в отношении свидетельницы, которое расценивается как дискредитирующее ее. Судья, однако, не считает такое употребление неверным и поэтому не дает никаких указаний по этому поводу:

(6) ПРОКУРОР: Скажите, пожалуйста, вы в настоящий момент не работаете?

СВИДЕТЕЛЬНИЦА: Нет.

ПРОКУРОР: А вы когда бросили работу?

АДВОКАТ: Я попрошу не употреблять в отношении данной свидетельницы слово «бросила работу» <...>

СУДЬЯ: Свидетельница работала. Ну, работала, теперь не работает, вот, тоже бросила работу.

В ходе процесса о религиозном объединении Свидетелей Иеговы несколько раз встает вопрос о правомерности употребления слова *секта* по отношению к этому объединению. Адвокат настаивает на том, чтобы слово не употреблялось, и аргументирует свою точку зрения тем, что термин *тоталитарная секта* имеет негативно оценочное и даже оскорбительное значение. Поскольку вопрос поднимается снова и снова, судья обращается за необходимыми разъяснениями к одному из свидетелей, заведующему кафедрой сектоведения, который подтверждает существование богословского и социологического понятия *секта*. Судья ограничивает объем его объяснений кратким *все*, давая понять, что получила необходимую информацию:

(7) СУДЬЯ: У меня сразу к Вам первый вопрос. Это просто нам, чтобы понять. Было такое решение судебной палаты по информационным спорам при Президенте Российской Федерации по Свидетелям, там по защите чести и достоинств. И тут где-то написано, что у нас такого. Сейчас я найду. Где-то здесь, что нет такого понятия «секта». Да, понятен вопрос? <...>

СВИДЕТЕЛЬ: Прежде всего понятие такое «секта» есть. Оно есть во всяком словаре. Поэтому я понимаю стремление Свидетелей Иеговы цензурировать русский язык и как бы вводить всеобщую цензуру, они это делают постоянно, но, тем не менее, как бы все-таки исключать слова из русского языка, я думаю, даже им не под силу, и не стоит в этом им потакать. Слово «секта», действительно, у нас в юридических наших текстах юридического понятия *секта* нет, но, тем не менее, в русском языке есть это. А богословское понятие, социологическое понятие, тем более...

СУДЬЯ: Все.

Ради соблюдения политкорректности в зале суда судья поддерживает просьбу адвоката не употреблять слово «секта»:

(8) АДВОКАТ: Чисто в светском суде я прошу не употреблять слово «секта», тем более господин Дворкин сам сказал, что это богословское понятие.

СВИДЕТЕЛЬ: Это богословское, социологическое, я думаю, в решении суда оно не должно появляться, поскольку, действительно, но я...

СУДЬЯ: Мы в данном случае рассматриваем дело в отношении религиозной общины. Она государством зарегистрирована. Давайте, чтобы никого не обижать.

Однако важность терминологических споров и соблюдения политкорректности в ходе процесса отходит на второй план, когда встает вопрос эко-

номии времени. В ответ на очередной протест адвоката судья указывает на нехватку времени:

(9) АДВОКАТ: *Свидетель постоянно употребляет слово «секта».*

СВИДЕТЕЛЬ: *У нас времени мало на замечания. Я Вас прошу немножечко...*

Недовольство определенным словоупотреблением в речи участников процесса в некоторых ситуациях получает выражение в речи самого судьи, если, к примеру, он не удовлетворен формулировкой вопроса, заданного допрашивающим. В следующем примере судья корректирует заданный вопрос, советуя опустить слово *neutral* (нейтральный) и называя его *unhelpful* (не способным помочь):

(10) CLAIMANT: *Does that sound to like a completely neutral and plausible account of an atrocity?*

JUDGE: *Leave aside "neutral". That is unhelpful word. Do you think it is plausible?*

Пятый тип ситуаций, в которых действует судья-лингвист, похож на второй тип с той разницей, что приходится иметь дело с иноязычными текстами. Конечно, такое случается в суде нечасто. Что касается нашего материала, то на процессе историка Ирвинга участники постоянно обсуждают архивные документы и другие источники на немецком языке и то, какую интерпретацию они получили в книге Ирвинга. Судья вместе со сторонами вынужден вникать в смысл текстов на немецком и их переводов на английский язык.

Сторона ответчика указывает на намеренное искажение текста в переводе за счет неверного словоупотребления. После некоторого обсуждения этой проблемы сторонами в ходе допроса судья обращается к истцу и совершенно однозначно заявляет о том, что перевод неверен. Судья считает, что неправильность перевода очевидна. По его мнению, все достаточно элементарно (*fairly elementary*), так как слово распространенное (*a common word*):

(11) JUDGE: *But really public rumour is not a correct or even arguably correct translation of Schrecken. It is fairly elementary, is it not? It is a common word.*

Вопрос о том, в каком контексте появляется то или иное слово, актуален и при обращении к иноязычным текстам. Судья осознает важность лингвистического контекста при переводе и указывает на это истцу, формулируя еще раз тезис, выдвигаемый адвокатом:

(12) CLAIMANT: *I do not think so. "Schrecken" is a spook. It is a spook.*

DEFENCE: *A spook. It is a word of fright and fear, is it not?*

CLAIMANT: *Yes.*

JUDGE: *Which is it, because they are quite different in this context?*

CLAIMANT: *My Lord, the imputation is that I have deliberately mistranslated or distorted.*

JUDGE: *Well, adopted what you should have appreciated was a mistranslation, I think is the way it is put.*

Таким образом, в ходе судебного процесса возникает целый ряд ситуаций, в которых судье необходимо проявить себя лингвистом.

2. Анализируемые языковые аспекты

На деятельность судьи как лингвиста можно посмотреть с точки зрения тех языковых аспектов, которые становятся предметом внимания и исследования в зале суда. Представим эти языковые аспекты более системно.

Первым и, наверное, самым основным «камнем преткновения» является **лексическое значение слов**. В зависимости от значения одного или нескольких слов может меняться смысл документа, который подлежит анализу, или значение высказываний участников процесса. Наглядным примером поиска слова с подходящей семантикой является обращение адвоката к английскому синонимическому ряду со значением *страх* в поисках адекватного перевода немецкого слова *Schreck*. Судья, сомневающийся в адекватности перевода, адресует вопрос истцу, и его не слишком убедительный ответ побуждает адвоката перечислить все возможные английские эквиваленты, среди которых не обнаруживается варианта, фактически использованного истцом в переводе:

(13) *JUDGE: You would translate "Schrecken" as a spectre or a spook rather than as a fear?*

CLAIMANT: Yes, Schrecken is the idea of a childish kind of spook, the idea of a goblin.

DEFENCE: Do you think this is a reliable dictionary?

CLAIMANT: It helped us a lot with the word "Vernichtung", did it not?

DEFENCE: OK. "Schreck", fright, shock, terror, alarm, panic, consternation, dismay, fear, horror?

Поскольку слова реализуют свои конкретные значения в конкретном контексте, проблема влияния контекста на значение слова достаточно широко обсуждается в зале суда. Важно заметить, что обсуждается влияние не только лингвистического, но и ситуативного контекста на смысловое наполнение лексической единицы. Обращаясь к лингвистическому контексту слова, участники процесса исследуют его в составе абзаца или другого фрагмента текста. В ряде случаев к этому их подталкивает судья: *Давайте абзац прочтем; Я прошу Вас, прочтите весь абзац; Look at the context* и т.д. Обращение к ситуативному контексту встречается не так часто, но пример такого обращения мы считаем необходимым представить. При обсуждении отрицательной коннотации слова «секта» один из свидетелей замечает: «Дело в том, что не слово красит организацию, а организация сама ставит себя в такое положение, когда даже слово приобретает новую окраску». Таким образом, можно говорить, что перед судьями ставятся и решаются вопросы толкования слова как в лингвистическом, так и в ситуативном контексте.

Значение слов и выражений зависит не только от контекста, но и от той грамматической формы, в которой они употреблены. **Грамматический аспект** речи также становится объектом внимания судей в ходе судебных процессов. Вопрос о грамматической форме, а именно – временной форме глагола, становится принципиальным, когда стороны процесса вместе с судьей анализируют перевод некоторых документов с немецкого, выполненный истцом и использованный в его книге. Судья отмечает несоответствие грамматической формы в переводе грамматической форме в оригинале:

(14) *JUDGE: Sorry, it is probably my misunderstanding. Mr Irving, I think you just said that you have not translated that sentence beginning "alt den Juden", but you did, did you not? Is that not where you write: "He pointed out, however, that he had no intention of starting anything at present"?*

CLAIMANT: It is bundled up in that sentence. It is precis'd in that sentence.

JUDGE: You use the word "precis", but you have changed the tense, "missed" stays in the past tense?

Истец пытается склонить судью на свою сторону, предлагая свое толкование оригинала, но судья вновь указывает на то, что предложение имеет форму прошедшего времени и, следовательно, не может быть отнесено к настоящему или будущему моменту времени:

(15) *CLAIMANT: What he no doubt said, if he was speaking in direct speech, is, "For a long time now I have done nothing, I have been inactive towards the Jews".*

JUDGE: In the past?

CLAIMANT: In the past, yes.

JUDGE: But that is not the same thing as saying that you have no intention of starting anything at present or in the future?

CLAIMANT: At present.

JUDGE: Is there not a real distinction between the two on reflection now?

CLAIMANT: No, because the sense of the next sentence, my Lord, where he goes on to say, "I am not looking for difficulties. I am not going to try to make difficulties, there is no point in it, there is no sense in doing it".

JUDGE: Look at the tense again. It is "hat".

В последней реплике судья вновь призывает истца обратить внимание на время глагола и называет использованную немецкую форму оригинала *hat*.

Отдельные особенности строения рассматриваемых в суде текстов оказываются не менее важными, чем семантические и грамматические аспекты. Опускание истцом нежелательной информации в своей книге приводит к недостоверному описанию исторических событий и становится предметом обсуждения в зале суда. Среди других лингвистических понятий, фигурирующих в речи участников процесса, – недоговоренность/преуменьшение, эллипсис, метафора. Как мы отмечали выше, судья не обязательно принимает участие в обсуждении всех лингвистических вопросов. Во многих ситуациях он пассивен с точки зрения речевых проявлений. В то же время он, безусловно, учитывает как в ходе самого процесса, так и при принятии решения соображения, высказываемые участниками процесса.

Заключение

Проведенный анализ речевого материала позволяет утверждать, что отечественные и английские судьи проявляют значительное внимание к различным лингвистическим аспектам судопроизводства. Задачи, стоящие перед судьей-лингвистом, включают правильное толкование текстов законов, других документов, от которых зависит ход судебного разбирательства, высказываний участников процесса, а также назначение лингвистических экспертиз в случае необходимости. Эта сторона деятельности предполагает обращение судей к самым различным аспектам языка: семантике слов и выражений, ситуативному и лингвистическому контексту, грамматике, строению текстов. Учитывая, что основной материал, с которым судья работает, это слово, важность этой стороны личности не подлежит сомнению.

Список литературы

1. **Дубровская, Т. В.** О роли метакоммуникативных средств в речи английского судьи / Т. В. Дубровская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 7 (31). – С. 91–94. – (Филологические науки).
2. **Дубровская, Т. В.** Английский судья как драматическая фигура / Т. В. Дубровская // Актуальные проблемы коммуникации и культуры : сб. науч. тр. россий-

- ских и зарубежных ученых. – М. ; Пятигорск : Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2006. – Вып. 4. – Ч. II. – С. 164–171.
3. **Dubrovskaya, T.** The English Judge: a Human-Being or a “Passionless Thinking Machine”? / T. Dubrovskaya // Современные направления в лингвистике и преподавании языков : материалы Международной научно-практической конференции. – М. : Изд-во МНЭПУ, 2007. – Т. I. – С. 33–45.
 4. **Solan, L. M.** The Language of Judges / L. Solan. – Chicago ; London : University of Chicago Press, 1993. – 218 p.
 5. **Tiersma, P. M.** The judge as linguist / P. M. Tiersma // Loyola of Los Angeles Law Review. – 1993. – V. 27. – P. 269–283.
 6. **Мамаев, Н. Ю.** К вопросу о построении инвариантной контекстуальной структуры для проведения лингвосемантического анализа спорных разговоров / Н. Ю. Мамаев // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 359–369.
 7. **Чернышова, Т. В.** Публичная речь сквозь призму инвективности (типологический этюд) / Т. В. Чернышова // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 393–401.
 8. **Голев, Н. Д.** Лингвистические тупики юридической техники / Н. Д. Голев // Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Голева. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 92–104.

Дубровская Татьяна Викторовна
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра филологии, Международный
независимый эколого-политологический
университет (филиал в г. Пензе)

Dubrovskaya Tatyana Viktorovna
Candidate of philological sciences,
associate professor, sub-department
of philology, International Independent
University of Environmental and Political
Sciences (affiliated branch in Penza)

E-mail: dubrovskaya@sura.ru

УДК 80

Дубровская, Т. В.

Судья как лингвист: лингвистический аспект правовой деятельности (на материале русского и английского языков) / Т. В. Дубровская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1 (13). – С. 122–131.